

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1421-1433
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1421

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Ethnography of the late 19th century (based on the Materials of the “Zhivaya Starina” Journal, Issues of the 1890s)

Natalya P. Koptseva ^{a, *}, Natalya N. Pimenova ^a, Julia S. Zamaraeva ^a, Natalya N. Seredkina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the consideration of the periodical “Zhivaya Starina”, published by the Imperial Russian Geographical Society, as a historical source on the methodology and practice of ethnographic research in the Russian Empire at the end of the 19th century. This journal was published for more than 15 years – from 1890 to 1916. The material for this study was the issues of the journal for the last decade of the 19th century. And the key areas of publications analyzed in the article were the specifics of the methodology of ethnographic research developed by scientists of the late 19th century, and the image of the ethnic groups of Siberia presented in the published results of ethnographic research of the late 19th century. Essential for articles that have program materials addressed to researchers and aimed at defining the tasks of the science of ethnic groups and its methodology (including those published in the first issue of the “Program for collecting information on ethnography”). As a practical result of ethnographic research, the results of which were published in “Zhivaya Starina” journal, the article analyzes materials on Siberian ethnic groups (Kachins and Ostyaks).

Keywords: “Zhivaya Starina” journal, ethnography, Russian Empire, 1890–1899, methodology of ethnographic research, ethnic groups of Siberia, late 19th century.

1. Введение

Журнал «Живая старина» появился вслед за первым в Российской империи этнографическим журналом, каким было «Этнографическое обозрение» от этнографического отделения Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и выступил одним из двигателей российской науки в области изучения этносов. Программа сбора этнографических сведений, опубликованная Императорским Русским географическим обществом в первом выпуске журнала, послужила методологической основой для проведения этнографических исследований, стимулом для развития полевых исследований по изучению этнокультурных групп, проживающих на всей территории Российской Империи, публикации академических исследований с новыми наблюдениями, формированию науки «народоведения» как единства этнологии и этнографии Российской науки. Структура программы представлена в четырех разделах (антропологический, психофизиологический, этнолингвистический, культурно-бытовой) с целью сбора эмпирического материала самими жителями губерний в помощь ученым (этнографам, лингвистам, этнологам, политикам, правоведам, мастерам искусства и литературы). Ученые отдела «Этнография» Императорского Русского географического общества придавали большое значение исследованию многообразия населяющих Россию народов, поскольку достигнутое знание способствовало сохранению прочного и независимого государства исторического народа, межкультурного и межэтнического развития великорусского единства. Публикации журнала позволяют пронаблюдать

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina)

специфику методологии этнографических исследований конца XIX века, а также специфику образа жизни различных этногрупп России.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами выступили публикации журнала «Живая старина», который издавался Этнографическим отделением Императорского русского географического общества в Санкт-Петербурге. В ходе исследования проведен анализ номеров журнала за период с 1890 по 1899 год, в ходе которого определены тематические направления материалов журнала, выделены два ключевых для исследования (о методологии в русской этнографии конца XIX века и о сибирских этногруппах), в их контексте для детального анализа выбраны отдельные публикации.

2.2. Ключевой метод исследования

Методом исследования выступает источниковедческий анализ, предполагающий два этапа. На первом этапе номера журнала «Живая старина» за последнее десятилетие XIX века изучены авторами на предмет тематических направлений публикаций. Выделены два наиболее интересующих направления: методология этнографических исследований ученых конца XIX века и этнические группы Сибири в этнографических исследованиях конца XIX века. Публикации, репрезентативные для выделенных тематических направлений, проанализированы с точки зрения их содержания.

Методологическим основанием исследования является взгляд на периодику (Рынков, 2010; Никаев, 2013; Артамонова, 2017; Каменская, 2017; Seredkina et al., 2022) и другие печатные свидетельства (Koptseva, Sitnikova, 2019; Koptseva, Seredkina, 2021; Koptseva, Sitnikova, 2019; Середкина и др., 2021; Копцева и др., 2022; Сертакова и др., 2022; Сертакова, Ситникова, 2022; Шпак, Менжуренко, 2022; Пчелкина, 2022; Иванова, 2022) как на значимый исторический источник.

3. Обсуждение

Журнал «Живая старина» издавался в дореволюционное время, в период с 1890-го по 1916-й год. Издание было учреждено Этнографическим отделением Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге и выходило четыре раза в год под редакцией академика Санкт-Петербургской академии наук, историка и слависта В.И. Ламанского. «Живая старина» стал значимым фактором в развитии российской этнографии: именно в нем публиковались ведущие документы народоведческой науки того времени – как программы сбора этнографических сведений, так и отчеты состоявшихся этнографических экспедиций.

Самым распространенным направлением исследования журнала «Живая старина» как исторического источника, естественно, является изучение этнографической картины дореволюционной России, т.е. анализ того, как на страницах журнала представлены этнокультуры, населяющие империю. Как, например, анализ материалов о праздничной культуре (Литвинчук, Панченко, 2011), о фольклоре (Дякиева, 2018), об отдельных этносах (Ганцовская, 2015),

Исследуется журнал также и как историческое свидетельство о развитии в России музейного дела, музееведения и систематизации в музеях этнографических данных (Турьинская, 2004; Турьинская, 2005). А также как издание, существенно повлиявшее на развитие библиографии (Титова, 1974).

В настоящее время ряд статей также посвящен современному журналу «Живая старина». (Ахметова, Неклюдов, 2008; Белова, 2018). Выпуск журнала под названием «Живая старина» был возобновлен в конце XX века: одноименный журнал учрежден Государственным республиканским центром русского фольклора (ГРЦРФ) в 1992 году, выпуск возобновлен с 1994 года. Современный журнал позиционирует себя как продолжатель традиций своего предшественника – дореволюционного журнала, как преемник его целей, задач и тем. Новыми темами стал анализ бытования традиционной культуры славян в иноэтничной среде, как, например, образ жизни русских старообрядцев, живущих в Южной и Северной Америке (Ахметова, 2018).

4. Результаты

4.1. Методология этнографических исследований учёных конца XIX века

В первом выпуске журнала, вышедшем в 1890 году, опубликована «Программа для собирания сведений по этнографии», адресованная исследователям как предъявление методологических возможностей этнографических исследований для фиксации эмпирических данных с их последующим анализом и составлением этнографического описания народонаселения Российской империи. Программа структурирована четырьмя частями: физические свойства, наружность, внешние признаки; умственное и нравственное развитие; язык, народные предания и памятники; домашний быт.

населенных мест, зданий, устройства жилья, хозяйственных построек, домашнего скота и птиц), названия видов одежды (части, детали), хозяйственных вещей, утвари, музыкальных инструментов, игрушек и игр, традиционных блюд, местных промыслов и занятий (с упоминанием задействованных инструментов), общеупотребляемых слов с объяснением их смысла и причин происхождения, заимствованных слов из других языков и наречий. Особое значение, согласно программе, необходимо уделять местному говору – певучести, растянутости, усеченности произношения слов, ударению на гласные, смягчению звуков, замене одного звука другим. При записи фольклорных образцов исследователь должен детально фиксировать обороты речи рассказчика. Дополнительно к этнографическому описанию предложено прилагать планы местности; вести подробный список живых урочищ (сел, деревень, слобод, сельбищ, находящихся с этой местности) и памятников старины (насыпи, курганы, могилы, городища, валы, старые здания, селения) или их остатков.

Четвертый раздел снабжен подробным списком к этнографическому описанию домашнего быта. Структуру описания определяют семь подразделов: 1) «местные названия и описание народных жилищ» по-отдельности и в расположении друг к другу строительных материалов, фасада и внутреннего устройства избы (с месторасположением печи, стола, красного угла), дворовых принадлежностей и домашней утвари; 2) «платье» мужчин, женщин, зимних и летних, повседневных и праздничных, у взрослых и молодежи, с местным именованьем всех частей и деталей; особенности причесок, головных уборов и обуви; 3) «пища» ежедневная и праздничная, постная и скоромная, с подробным обозначением состава и способа приготовления, что не употребляется в пищу и какие блюда непременно присутствуют в известных простонародных праздниках или известных обрядах; подробные словари местных названий пищи, а также принадлежностей столового и домашнего кухонного обихода; 4) «обычаи и обряды» и особые житейские случаи (полевые работы, пожары, неурожаи, скотские падежи, болезни); лекарства и лечения, заговоры и обряды при болезнях; 5) «занятия, наиболее любимые в местности» (сельские промыслы) с описанием времяпровождения, видов и названий, способов и употребляемых в них орудий; 6) «народное веселье» (простонародные праздники): взрослые и детские игры, забавы, музыкальное сопровождение и инструменты; 7) семейный доход с указанием источника дохода и видами расходов (подати, повинности, земские сборы, питание). В каждом подразделе особо отмечена важность документирования в виде приложения планов, рисунков, зарисовок портретов, образцов (одежды, утвари), словарей местных названий.

Таким образом, программный характер методологии этнографических исследований обозначен указанием универсальных культурных особенностей, на основании которых начинающий или опытный исследователь способен соотнести и зафиксировать отличительные социоантропологические (физиологические, психологические, языковые) черты. Наличие структуры в программе предполагает возможность проведения отдельных тематических исследований (по одному разделу или нескольким). Программа сбора этнографических сведений Императорского Русского географического общества адресована жителям губерний с просьбой заняться сбором сведений и составлением местных описаний для доставления в Общество. В качестве искренней признательности авторам описаний гарантирована публикация материалов в журналах. Лучшим авторам – награды (малые золотые, серебряные, бронзовые медали).

Программа «для собирания сведений по этнографии», ее содержание, план и структура имеют особо важное значение в формировании российской этнографии как академической науки, ставшей фундаментом для проведения этнографических, антропо-, социо- и культурологических исследований в последующее время. В первом выпуске 1894 года к статье Н. Лескова «Отчет о поѣздкѣ къ Олонекимъ Кореламъ лѣтом 1893 г.» опубликовано примечание от редакции о значении российской этнографии и этнологии, объединенных под названием «народоведение» и имеющих ряд важных задач для развития (Отчет..., 1894: 31-36).

Одной из задач «народоведения» ставилось изучение и определение места, характера и значения каждой этнокультурной группы, как в прошлом, так и в настоящем. Великое значение исследования многообразия населяющих Россию народов заключалось в сохранении прочного и независимого государства исторического народа, благоприятного и плодотворного поликультурного развития для укрепления гражданственности и образованности главного национального элемента (славянского, и в нем – общерусского, а в последнем - великорусского). Согласно публикации, чем больше будут просвещаться и развиваться этнокультурного группы, тем «более при всем ревнивом охранении своей народности они будут нуждаться в русском языке, в русской книге и принимать деятельное участие в общей русской государственной и культурной жизни» (Отчет..., 1894: 32). Просветительское, христианско-человеческое и государственное значение науки «народоведение» видится ученым конца XIX века в убедительном и наглядном доказательстве безбоязненного, искреннего, дружелюбного расположения по отношению ко всем народам, населяющим Российскую империю.

Другой, но не менее важной стала постановка задачи развития русского языка как национального (общерусского) с целью сохранения государственного единства и плодотворных государственных и культурных отношений с другими странами: «При справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России никакие силы в мире не могут помешать широкому в ближайшие 50-100 лет распространению русского литературного языка вне пределов

России, так что если не к концу первого, то, несомненно, к концу второго полувека он станет мало-помалу общим органом разума во взаимных сношениях различных народностей между собой. ... Русским языком в России будет говорить свыше 200-300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода отношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими» (Отчет..., 1894: 32). Становлению русского языка как государственного способствует признание и уважение к культуре, родным языкам и религии всех этнокультурных групп: «чем культурнее народ и край, тем легче вводить обязательное обучение русской грамоте и языку» (Отчет..., 1894: 33). Государственная национально-культурная политика видится в дружественном отношении «ко всем без различия инородческим элементам нашим», их сплочении в единство с русским народом, возвышению и усилению общественной нравственности, укреплению здорового государственного порядка.

В качестве третьей задачи авторами упоминается будущее развитие «русского народоведения» по изучению всех этнокультурных групп России: «антропология, лингвистика, филология, история в самом широком объеме – этнологическая (или историческая этнология), церковная, политическая, история права, искусств, литературы и пр. и пр. Художества изобразительные, музыка, поэзия приобретут громадный запас новых данных, новые кругозоры, методы и приемы, несказанно таким образом обогатят русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность» (Отчет..., 1894: 34). Для выполнения задачи требовалось особое внимание и уважение ко всем общностям без различия с целью сохранения их грамотности, духовенства, народных учителей, знающих родные языки. Без помощи местных уроженцев, знатоков и наблюдателей в сборе этнографического материала, русские ученые не смогут иметь полное представление о народностях. Заинтересованность в развитии русской этнографии как ученых, так и знатоков-местных жителей, укрепит искренние дружественные отношения великих и малых центров русской образованности с отдаленными окраинами, сформирует благожелательное отношение к приезжим исследователям, а также способствует появлению «из их среды даровитых общественных и государственных деятелей, вполне преданных русскому отечеству» (Отчет..., 1894: 35).

Четвертой задачей ставилось развитие русской науки как просветительского дела по отношению ко всем этнокультурным группам. Преградой развитию, по мнению ученых Императорского Русского географического общества, служило многолетнее издание Российской Академией наук научных трудов (академических бюллетеней и мемуаров) на немецком языке, что ставило русский язык в подчинение одной из сотен российских народностей. Ориентация на русский язык читателя, по мнению авторов, в конце XIX столетия была важнее, чем освещение научных достижений (находок, новых наблюдений) русских ученых европейскому жителю: «Во многих науках и даже, вероятно, во всех бывало, бывает и будет еще не раз, что иное замечательное исследование, напечатанное на любом из самых распространенных языков, по годам оставляется без внимания, проходит незамеченным. И такие случаи часто повторяются с трудами оригинальными, особенно на успевших еще приобрести громкой репутации молодых ученых или ученых и не молодых, но не привыкших прибегать ни к каким рекламам» (Отчет..., 1894: 35). Широкая известность трудам российских ученых придет только в условиях издания их трудов на русском языке, другие страны же способны сделать литературный перевод изданий. Российская наука является высшим русским знанием. Это великая сила, обогащающая и возвышающая русскую культуру, русский язык. Процветание русской литературы и науки способствует укреплению русского самосознания и его развитию, повышают нравственный авторитет русского языка и народа среди российских жителей, искореняет предубеждение относительно русской мысли и литературы в ее широком значении.

4.2. Этнические группы Сибири в этнографических исследованиях конца XIX века

Объектом этнографических исследований российских ученых конца XIX века, согласно материалам журнала «Живая старина» за 1890-е годы, выступала культура различных этнических групп Российской империи. Именовались они в материалах журнала как племена, народности, инородцы. В ходе длительных полевых экспедиций большое внимание учеными уделялось сбору фольклорных текстов разных народностей, которые затем публиковались на страницах этнографического журнала «Живая старина». Например, в выпусках журнала за 1899 год опубликованы тексты Сказок Минусинских инородцев (№1), а также Сказка о Чесоточном шамане (№2), Сказание об Эленди и его сыновьях (в переводе с чукотского) (№3) и Три сказки, записанные в Кодымском крае (№3). Наряду с практикой сбора текстов фольклора, легенд и преданий ученые вели кропотливую аналитическую работу по выстраиванию истории формирования этнического состава того или иного региона и определенной системы знаний о культуре отдельных этнических групп.

Сибирь представляла для исследователей особый интерес. Это было связано, во-первых, с тем, что этническая история данного региона была еще мало изучена к концу XIX века. Как отмечает С.К. Патканов, «судьба Северо-Западной Сибири и культура ее обитателей до водворения здесь русских нам почти совершенно незнакомы» (1891, 3: 85). Во-вторых, в конце XIX века наметился вектор на переосмысление значения Сибири для развития Российской империи в целом. В своем очерке «Красноярский округ Енисейской губернии» (1890) член Императорского Русского

географического общества Н.В. Латкин призывает изменить отношение к Сибири, которая ассоциировалась прежде всего с местом «ссылки преступников и нравственно порочных людей» (Цит. по: *Живая старина*, 1890, 1: 13). Подобная трансформация Красноярского округа наметилась намного раньше, а именно после 1628 года. Именно этот год называется автором очерка рубежным в том смысле, что до 1628 года «он имел ограниченное местное значение» (*Живая старина*, 1890, 1: 12). Особое внимание Н.В. Латкиным уделено Красноярску. По его убеждению, Красноярск – это один из будущих процветающих районов Енисейской губернии и потому требующий формирования в нем и народного просвещения, и храмов, и судов.

Результаты крупных этнографических полевых исследований Сибири были опубликованы в журнале «Живая старина» в выпусках за 1891-й (№3, 4), 1895-й (№3-4) и 1896-й (№3-4) годы.

В статье «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, сведения об их численности» Н.А. Аристов показывает подвижный характер состава всех племен и народностей на всем протяжении их исторического существования (*Аристов*, 1896, 3-4: 446). Подобное изменение этнического состава племен достигалось путем постоянного их переселения и подчинения себе иных народностей для взимания дани, как, например, это произошло с самоедами и енисейцами, которые были отуречены тюрками, переселившимися на север Алтая, на восток, в бассейн Верхнего Енисея и на обе стороны Саянского хребта. Сами тюрки, выселившиеся в бассейн реки Абакан, по замечанию автора, составляли в смеси с динлинами племя кыргызов (*Аристов*, 1896, 3-4: 338). Собственно, к Енисейским тюркским племенам автором были отнесены кызылы, качинские татары, сагайские татары, карагасы и камасинцы. Общее число енисейских тюрков составляло, по данным Н.А. Аристовой, 35 793 человека. Одним из главных тюркских племен названо племя саха, или якутское, являющееся главным населением северо-востока Сибири (*Аристов*, 1896, 3-4: 446). География расселения якутов фиксируется территорией бассейна р. Лены, откуда они распространились на восток до Охотского моря и на запад до Нижнего Енисея (*Аристов*, 1896, 3-4: 329). Согласно автору, весьма вероятным является то, что якуты «представляют собой часть тюркского племени сагай, перешедшую с Енисея в бассейн Лены и получившую сильные примеси в аборигенах этой страны тунгусах и в соседних с нею с юга бурятах» (*Аристов*, 1896, 3-4: 332). Трансформация данной этнической группы была обусловлена также экономическими изменениями и изменениями основ духовной их жизни, вследствие чего корни родового быта якутов, по замечанию автора, были подорваны.

В отчете П. Островских «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края» за 1894 год на основе результатов полевой работы в Минусинском крае Енисейской губернии описаны традиции такой этнической группы, как качинцы (*Островских*, 1895, 3-4). По замечанию автора, это племя, которое в наибольшей степени уцелело от русского влияния и, соответственно, сохранило свои исконные традиции (*Островских*, 1895, 3-4: 297). Качинцы составляли ведомство Абаканской Инородной Управы, которое насчитывало в 99 населенных пунктах 10 877 человек по данным на 1892 год. Сравнение с данными 1847 года свидетельствовало о положительной динамике численности качинцев, которая выросла на 13 % к 1892-му году.

По своим внешним характеристикам качинцы отличались «широким скуластым лицом, плоским носом, узкими глазами и резкими, как бы еще нетронутыми никакой культурой чертами лица» (*Островских*, 1895, 3-4: 304). Отношение к образованию у инородцев в целом было положительное. Как отмечает автор отчета, инородцы «охотно отдают детей в ученье», однако небольшое количество школ на сравнительно больших территориях их проживания тормозило развитие среди них грамотности (*Островских*, 1895, 3-4: 325). По замечанию П. Островских, инородцы являются достаточно способными учениками, которые зарекомендовали себя с лучшей стороны. Например, «многие из них участвуют теперь в сибирских повременных изданиях, состоя сельскими учителями и священниками. Казанский же проф. Катанов, родом сагаец, сам себе пробил дорогу к высшему образованию» (*Островских*, 1895, 3-4: 326).

Как и у других коренных сибирских этносов, у качинцев существовала определенная система обычаев и традиций, которая и формировала их материальную и духовную культуру. При этом духовная культура определяла во многом материальную культуру, что выразилось в практике особой организации жилища и быта качинцев. Духовная культура качинцев определяла взаимоотношения между членами семьи, их отношение к болезням и смерти. Безусловно, духовная культура нашла свое воплощение и в их музыкальной культуре.

Взаимоотношения между родственниками основывались на обычае соблюдения особого отношения замужней женщины к родственникам мужа. Она не должна была, например, называть их по имени, подходить к ним близко, говорить с ними, появляться с непокрытой головой или босиком. Общение с ними могло происходить только через другое лицо. В противном случае это расценивалось как неуважение или оскорбление родственников мужа с ее стороны.

Отношение качинцев к болезням и смерти было определено развитием среди них традиции шаманизма и веры в духов – хозяев гор, рек, зверей, юрт, огня, духов покровителей семьи, в особые духов каждой семьи. Как отмечает П. Островских, духи могли нанести вред семье «если ему (духу) не оказывать почитаний» (*Островских*, 1895, 3-4: 337-338). Большая роль в отношении с духами

отводилась шаманам. Сами качинцы должны были беречь амулеты и животных, посвященных шаманом духам. В целях защиты от духов качинцами проводился также обряд посвящения лошади или коровы «бурой» шерсти, или овцы в изык.

Особое значение также имели амулеты, которые создавались шаманами и были посвящены духам, потому требовали к себе особого почитания, как со стороны людей, так и со стороны самого шамана. Почитание выражалось в том, что каждому амулету преподносилась определенная пища. Амулеты могли располагаться, как внутри, так и снаружи юрты качинца. Это можно наглядно проследить на представленном схематичном рисунке качинской юрты (Рисунок 2).

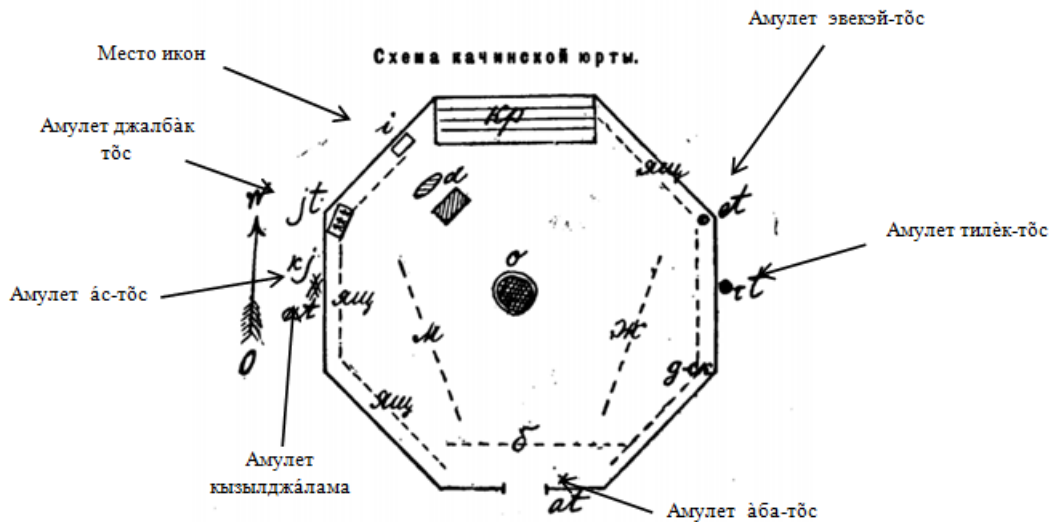

Рис. 2. Схема качинской юрты с обозначением расположения амулетов
Источник: Журнал «Живая старина», 1895, 3-4

Некоторые амулеты размещались и вовсе на некотором расстоянии от жилища. Их местоположение, а также форма зависели от того назначения, которое им приписывалось людьми и самим шаманом.

Каждый амулет имел свое название. В общей сумме, как отмечает П. Островских, этих названий было не менее 20 (Островских, 1895, 3-4). В каждой без исключения качинской юрте встречались такие амулеты, как тилек-тбс и джалбак тбс. Они располагались на противоположных друг от друга сторонах юрты.

Первый амулет располагался снаружи юрты, с северной стороны. Его сила распространялась как на людей, так и на животных. Кормили его кашей. Второй амулет располагался внутри юрты, на противоположной стороне, слева от входа, рядом с местом расположения иконы. П. Островских приводит схематичный образец данного амулета (Рисунок 3).

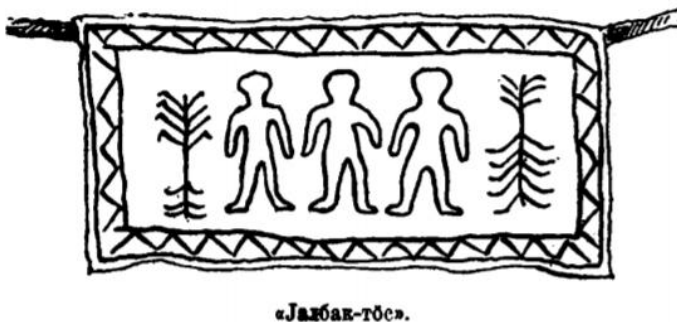

Рис. 3. Амулет джалбак тбс
Источник: Журнал «Живая старина», 1895, 3-4

Материалом для данного амулета послужил кусок холста размером 20*40 см. Амулет подвешивался на козжих ремешках. За правый ремешок, пришитый к верхнему углу амулета,

прикреплялся маленький деревянный бубен шамана. В этом амулете видели силу избавления от грудных заболеваний. Кормил его шаман молоком.

По центру холста красной краской (преимущественно охрой, добываемой в ближайших горах) изображены три человеческие фигуры. Над головой каждой человеческой фигуры пришивались кусочки парчи и собольей шкурки, имитировавшие шапки. По сторонам от этих фигур схематично изображены две березы. Изображенная справа береза изображена корнем вниз, слева – корнем вверх. Вся площадь холста окаймлена узорчатым изображением в виде зигзагообразной линии, ограниченной сверху и снизу прямыми горизонтальными линиями. Схематичность изображения на амулете определяет его символическое назначение и наполнение. Ограниченность орнаментальной рамой пространства изображения человеческих фигур подчеркивает замкнутость композиции, замкнутость фигур. Замкнутость может пониматься как зависимость жизни человека от внешних сил, сил природы и духов. Зигзагообразность линии вносит характеристику ритмичности и цикличности. Сама жизнь подчинена этому ритму, и жизнь человека не исключение. Цикличность изображения поддерживается также зеркальным принципом схематичного изображения берез. Взаимооборачивание сил природы, таким образом, окружает и определяет ритм жизни и человека.

К 1895 году в связи с развитием миссионерской деятельности среди представителей коренных народов, в том числе среди качинцев, шаманство начинает уступать место христианскому обычаю крещения и венчания. Согласно П. Островских, на 1895 год все взрослые качинцы были покрещены. Ежегодно по церковному обряду, по данным автора, крестят в среднем до 65-70 % детей до 14 лет. Некрещенных детей разного возраста по приходу на июль 1895 года было до 80 человек. Браков было до 70 в год и от 10 до 15 % они совершались по христианскому обычаю (Островских, 1895, 3-4: 348).

Музыкальная культура представляет также особый пласт духовной культуры качинцев. Как замечает автор отчета, качинцы являлись «очень музыкальным народом» (Островских, 1895, 3-4: 329). В каждой качинской юрте был музыкальный инструмент – комса, представляющий по форме вид большой деревянной ложки, затянутой сверху кожей. Струны у комса были сделаны из конского волоса. Одна из них была белая, другая – черная. Длина инструмента составляла 80 см. Менее распространенным был такой инструмент, как чатган. Оба этих инструмента певцы использовали в качестве аккомпанемента во время исполнения своих поэм. Кроме того, охотники-качинцы также прибегали к использованию отдельных музыкальных инструментов во время охоты с целью имитации звуков тех или иных животных. Этой цели служили такие музыкальные инструменты, как быргы и сымысха (Островских, 1895, 3-4: 331).

Еще одну этническую группу Сибирского региона составляли остяки. Ее анализу посвящены статьи С.К. Патканова «Стародавняя жизнь Остяков и их богатыри по былинам и сказаниям» (Патканов, 1891, 3) и «Внешний вид и образ прежних Остяков (продолжение)» (Патканов, 1891, 4). Автор внес большой вклад в изучение культуры остяков, единственных наряду с вогулами представителями в Сибири обширного финского племени (Патканов, 1891, 3: 87). По своему развитию остяки находились на более высокой ступени по сравнению, например, с самоедами. С.К. Патканов склонен относить остяков к оседлому населению, которое лишь на время промысла расходилось по речкам и лесам. И это, по мнению автора, не может рассматриваться в качестве основания для причисления остяков к кочевому народу (Патканов, 1891, 3: 107).

На основе анализа собранных автором текстов были и героических сказаний остяков южного племени, С.К. Патканов реконструирует отдельные стороны их жизни.

Местом проживания остяков названа «глухая страна севера» Тобольской губернии (Патканов, 1891, 3: 87), которая для самих жителей представлялась «страной обетованной» (Патканов, 1891, 3: 87), родиной, которую никто не желал добровольно покидать. История культуры остяков реконструируется автором с позиции таких форм, как виды их деятельности, вероисповедание, административное устройство, социальная структура общества, включая положение женщин, внешний вид, образ жизни, вооружение остяцких князей и обустройство жилища.

В конце XIX века, по замечанию автора, актуализировалась тенденция утраты исконных форм остяцкой культуры вследствие влияния процессов ассимиляции остяков с русскими. Данный процесс стал результатом «прочного» русского владычества над остяками, которое началось, согласно С.К. Патканову, в 1581 году. По замечанию автора, «за последние годы стали пропадать и последние остатки их прежней культуры» (Патканов, 1891, 3: 88). Данные процессы, согласно публикации, затронули такие формы остяцкой культуры, как одежда, музыка, поэзия, фольклор (в частности, сказки), танец и язык. Женский костюм был заменен русским платьем и платком, этнические музыкальные инструменты, такие, как «лебедь» и «домбра», были вытеснены «бандуркой» и балалайкой. Остяцкие песни и пляски были вытеснены русскими, что в свою очередь оказало существенное влияние и на сохранность родного языка, который постепенно забывался и вытеснялся русским (Патканов, 1891, 3: 88). Единственными формами культуры остяков, которые продолжали сохранять свою самобытность, были былины и героические сказания. Однако в силу того, что молодое поколение не стремилось перенимать традицию их создания и использовать в своей жизни, они также оказались в ситуации своего исчезновения (Патканов, 1891, 3: 88).

5. Заключение

Программа сбора этнографических сведений, опубликованная учеными Императорским Русским географическим обществом в самом первом выпуске журнала «Живая старина» направлена на поиск особенных и уникальных черт этнокультурных групп, населяющих Россию, с целью сохранения культурной памяти, фиксации актуального содержания культурно-бытовых и языковых форм, развития науки «народоведения» как живого знания о поликультурном единстве народов Российской Империи. Предложенная в программе методология этнографических исследований преобразовала деятельность начинающих и опытных ученых, способствовала определению ключевых задач для будущего программного развития академических исследований: изучению каждой этнокультурной группы в ее прошлом и настоящем для сохранения прочного и независимого государства; становлению русского языка как государственного с целью просвещения народов, усилению общественной нравственности, уважению ко всем родным культурам, языкам, религиям; обогащению российской науки этнографическим материалом, сплачивающим все области науки, ученых и научных центров, жителей губерний и государственных деятелей; продвижению русской науки и литературы для укрепления русского самосознания, просветительской образовательной деятельности по сохранению традиционных ценностей и единого культурного пространства страны. Примерами применения методологии исследования, согласно программе, в том числе могут служить опубликованные в журнале результаты изучения коренных народов Сибири. Наиболее подробными являются публикации, посвященные таким этногруппам, как качинцы и остяки. Культура этих этносов изучена исследователями как с материальной стороны, так и со стороны духовных представлений народов и их отражения в характерных чертах традиционного образа жизни. Российская этнография конца XIX века в материалах представлена как активно развивающаяся, тщательно определяющая собственные задачи и методы. Образ коренных сибирских этносов в журнальных материалах, систематизирующих результаты полевых исследований российских этнографов, представлен в современном авторам состоянии, которое стало итогом и специфического пути развития традиционной культуры этих народов, и их длительного опыта связей с русским этносом. Исследователи большое внимание уделяют тому, как изменилась традиционная культура под воздействием общегосударственной. При этом со столь же большим интересом и вниманием российские этнографы фиксируют уникальные практики и черты жизни коренных сибирских народов, сохранившиеся в повседневности этих этносов.

Литература

- Аристов, 1896** – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, сведения об их численности // *Живая старина*. 1896. № 3-4. С. 277-456.
- Артамонова, 2017** – Артамонова Л.М. Самарские публикации В.Г. Варенцова в столичной и местной периодике 1860-х гг. как исторический источник // *Библиография. Археография. Источниковедение*. 2017. С. 61-70.
- Ахметова, Неклюдов, 2008** – Ахметова М.В., Неклюдов С.Ю. О журнале «Живая старина» // *Антропологический форум*. 2008. 8. С. 389-393.
- Ахметова, 2018** – Ахметова М.В. Журнал «Живая старина»: история и перспективы // *Культура и текст*. 2018. 1 (32). С. 197-198.
- Белова, 2018** – Белова О.В. Четверть века «Живой старины» // *Живая старина*. 2018. 4. С. 2.
- Богораз, 1899** – Богораз В.Г. Сказание об Эленди и его сыновьях (перевод с чукотского) // *Живая старина*. 1899. № 3. С. 350-370.
- Богораз, 1899** – Богораз В.Г. Сказка о Чесоточном Шамане // *Живая старина*. 1899. № 2. С. 263-270.
- Богораз, 1899** – Богораз В.Г. Три сказки, записанные в Кодымском крае // *Живая старина*. 1899. № 3. С. 371-380.
- Ганцовская, 2015** – Ганцовская Н.С. Русское географическое общество и обследование костромских говоров (Ф.И. Покровский) // *Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»)*. 2015. С. 160-164.
- Дякиева, 2018** – Дякиева Б.Б. Журнал «Живая старина» (1891-1916 гг.) и фольклор народов Российской империи (на примере устного народного творчества калмыков) // *Вестник Калмыцкого университета*. 2018. 3 (39). С. 22-29.
- Иванова, 2022** – Иванова Л.С., Кистова А.В. Социокультурные возможности музеев Красноярска как пространств межкультурной коммуникации // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6, № 2. С. 46-55.
- Каменская, 2017** – Каменская Е.В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // *Человек, общество, власть*. 2017. № 100. С. 37-44.
- Копцева и др., 2022** – Копцева Н.П., Резникова К.В., Квашина Ю.В., Середкина Н.Н., Лещинская Н.М. Культурная динамика коренных малочисленных народов Севера Красноярского

края в живописных и графических произведениях // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 6. С. 840-852.

Литвинчук, Панченко, 2011 – Литвинчук М.С., Панченко А.Б. Изучение праздничной культуры на страницах журнала «Живая старина» // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2011. 4. С. 103-107.

Никаев, 2013 – Никаев Х.Р. Материалы периодической печати как исторический источник // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. 9. С. 73-80.

Островских, 1895 – Островских П. Этнографические заметки о Тюрках Минусинского края // *Живая старина*. 1895. № 3-4. С. 297-348.

Отчет..., 1894 – Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // *Живая старина*. 1894. № 1. С. 19-36.

Очерк..., 1890 – Очерк Н.В. Латкина «Красноярский округ Енисейской губернии» // *Живая старина*. 1890. № 1, отдел 3. С. 12-13.

Патканов, 1891 – Патканов С.К. Внешний вид и образ прежних Остяков (продолжение) // *Живая старина*. 1891. № 4. С. 67-108.

Патканов, 1891 – Патканов С.К. Стародавняя жизнь Остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // *Живая старина*. 1891. № 3. С. 85-117.

Программа..., 1890 – Программа для собирания сведений по этнографии // *Живая старина*. 1890. № 1. С. XLVIII–LII.

Пчелкина, 2022 – Пчелкина Д.С., Пименова Н.Н., Замараева Ю.С., Дегтяренко К.А., Тимошкин Д.О. Нацистроительство на территории Эвенкийского и Таймырского национальных округов в 1920-1970-е гг.: культурные и художественные практики // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15, № 10. С. 1465-1479.

Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

Середкина и др., 2021 – Середкина Н.Н., Ермаков Т.К., Шишкова Е.Е., Темникова О.А. Эвенкийский национальный (автономный) округ в контексте советской национальной политики 1920-1970 гг. // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. Т. 5, № 3. С. 77-88.

Сертакова и др., 2022 – Сертакова Е.А., Лецинская Н.М., Колесник М.А., Кистова А.В. Этнокультурная динамика коренных народов Енисейской Сибири в исследованиях 2010-2020-х гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 5. С. 702-716.

Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам енисейской губернии в XIX - начале XX веках // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. №2. С. 94-106.

Титова, 1974 – Титова З.Д. Роль народоведческих журналов – «Этнографического обозрения» и «Живой старины» в развитии отечественной библиографии // *Из истории советской книги и библиографии. Сб. матер. по библиографии и книговедению*. Вып. 3. Д., 1974. С. 125-149.

Турьинская, 2004 – Турьинская Х.М. Штрихи к портрету музейного радателя. По материалам журналов «Живая старина» (1890-1916) и «Старые годы» (1907-1916) // *Этно-журнал*. 2004. 1.

Турьинская, 2005 – Турьинская Х.М. Этномузееведческая мысль в журнале «Живая старина» (1890-1916) // *Гуманитарная культура и этноидентификация*. 2005. С. 270-279.

Четыре..., 1899 – Четыре сказки Минусинских инородцев // *Живая старина*. 1899. № 1. С. 140-149.

Шпак, Менжуренко, 2022 – Шпак А.А., Менжуренко Ю.Н. Анализ совокупности мер государственной и муниципальной поддержки развития традиционной хозяйственной деятельности в сельских поселениях Севера // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 3. С. 203-215.

Koptseva, Sitnikova, 2019 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. 32(1). Pp. 47-74.

Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. Is. 1. Pp. 343-356.

Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2052-2043.

Seredkina et al., 2022 – Seredkina N.N., Pimenova N.N., Shpak A.A., Zamaraeva Ju.S. «Niva» Journal (1909) as a Source on the History of the Artistic Culture of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1976-1989.

References

Akhmetova, 2008 – Akhmetova, M.V., Neklyudov, S.Yu. (2008). O zhurnale «Zhivaya starina» [About the ["Zhivaya Starina" journal]]. *Antropologicheskii forum*. 8. Pp. 389-393. [in Russian]

- Akhmetova, 2018** – *Akhmetova, M.V.* (2018). Zhurnal «Zhivaya starina»: istoriya i perspektivy [“Zhivaya Starina” magazine: history and perspectives]. *Kul'tura i tekst.* 1(32): 197-198. [in Russian]
- Aristov, 1896** – *Aristov, N.A.* (1896). Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei, svedeniya ob ikh chislennosti [About the journal “Zhivaya starina”]. *Zhivaya starina.* 3-4: 277-456. [in Russian]
- Artamonova, 2017** – *Artamonova, L.M.* (2017). Samarskie publikatsii V.G. Varentsova v stolichnoi i mestnoi periodike 1860-kh gg. kak istoricheskii istochnik [Samara publications by V.G. Varentsov in the capital and local periodicals of the 1860s. as a historical source]. *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie.* Pp. 61-70. [in Russian]
- Belova, 2018** – *Belova, O.V.* (2018). Chetvert' veka «Zhivoi stariny» [A quarter of a century of “Zhivaya starina”]. *Zhivaya starina.* 4: 2. [in Russian]
- Bogoraz, 1899** – *Bogoraz, V.G.* (1899). Skazanie ob Elendi i ego synov'yakh (perevod s chukotskogo) [The legend of Elendi and his sons (translated from Chukchi)]. *Zhivaya starina.* 3: 350-370. [in Russian]
- Bogoraz, 1899** – *Bogoraz, V.G.* (1899). Skazka o Chesotochnom Shamane [The tale of the Itchy Shaman]. *Zhivaya starina.* 2: 263-270. [in Russian]
- Bogoraz, 1899** – *Bogoraz, V.G.* (1899). Tri skazki, zapisannye v Kodymskom krae [Three fairy tales recorded in the Kodyma region]. *Zhivaya starina.* 3: 371-380. [in Russian]
- Chetyre..., 1899** – Chetyre skazki Minusinskikh inorodtsev [Four Tales of the Minusinsk Aliens]. *Zhivaya starina.* 1899. 1: 140-149. [in Russian]
- Dyakieva, 2018** – *Dyakieva, B.B.* (2018). Zhurnal «Zhivaya starina» (1891-1916 gg.) i fol'klor narodov Rossiiskoi imperii (na primere ustnogo narodnogo tvorchestva kalmykov) [“Zhivaya starina” journal (1891-1916) and the folklore of the peoples of the Russian Empire (on the example of Kalmyk folklore)]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta.* 3(39): 22-29. [in Russian]
- Gantsovskaya, 2015** – *Gantsovskaya, N.S.* (2015). Russkoe geograficheskoe obshchestvo i obsledovanie kostromskikh govorov (F.I. Pokrovskii) [Russian Geographical Society and survey of Kostroma dialects (F.I. Pokrovsky)]. *Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnykh regional'nykh issledovaniy (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»).* Pp. 160-164. [in Russian]
- Ivanova, 2022** – *Ivanova, L.S., Kistova, A.V.* (2022). Sotsiokul'turnye vozmozhnosti muzeev Krasnoyarska kak prostranstv mezhkul'turnoi kommunikatsii [Sociocultural opportunities of Krasnoyarsk museums as spaces of intercultural communication]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii.* 6(2): 46-55. [in Russian]
- Kamenskaya, 2017** – *Kamenskaya, E.V.* (2017). Sovetskie gazety kak istoricheskii istochnik: spetsifika i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'.* 100: 37-44. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916. *Bylye Gody.* 16(4): 2052-2043.
- Koptseva i dr., 2022** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kvashnina, Yu.V., Seredkina, N.N. Leshchinskaya, N.M.* (2022). Kul'turnaya dinamika korenykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v zhivopisnykh i graficheskikh proizvedeniyakh [Cultural dynamics of the indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory in paintings and graphic works]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 15(6): 840-852. [in Russian]
- Koptseva, Seredkina, 2021** – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody.* 16(1): 343-356.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique.* 32(1): 47-74.
- Litvinchuk, Panchenko, 2011** – *Litvinchuk, M.S., Panchenko, A.B.* (2011). Izuchenie prazdnichnoi kul'tury na stranitsakh zhurnala «Zhivaya starina» [The study of festive culture on the pages of the journal «Live Antiquity»]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 4: 103-107. [in Russian]
- Nikaev, 2013** – *Nikaev, Kh.R.* (2013). Materialy periodicheskoi pechati kak istoricheskii istochnik [Periodical press materials as a historical source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.* 9: 73-80. [in Russian]
- Ocherk..., 1890** – *Ocherk N.V. Latkina «Krasnoyarskii okrug Eniseiskoi gubernii»* [Essay by N.V. Latkin “Krasnoyarsk district of the Yenisei province”]. *Zhivaya starina.* 1890. 1, otdel 3. Pp. 12-13. [in Russian]
- Ostrovskikh, 1895** – *Ostrovskikh, P.* (1895). Etnograficheskie zametki o Tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic notes about the Turks of the Minusinsk region]. *Zhivaya starina.* 3-4: 297-348. [in Russian]
- Otchet..., 1894** – *Otchet o poezdke k Olonetskim Korelam letom 1893 g.* [Report on a trip to the Olonets Korela in the summer of 1893]. *Zhivaya starina.* 1894. № 1. Pp. 19-36. [in Russian]

Patkanov, 1891 – Patkanov, S.K. (1891). Starodavnyaya zhizn' Ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i skazaniyam [The ancient life of the Ostyaks and their heroes according to epics and legends]. *Zhivaya starina*. 3: 85-117. [in Russian]

Patkanov, 1891 – Patkanov, S.K. (1891). Vneshnii vid i obraz prezhnikh Ostyakov (prodolzhenie) [Appearance and image of the former Ostyaks (continued)]. *Zhivaya starina*. 4: 67-108. [in Russian]

Pchelkina i dr., 2022 – Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Degtyarenko, K.A., Timoshkin, D.O. (2022). Natsiestroitel'stvo na territorii Evenkiiskogo i Taimyrskogo natsional'nykh okrugov v 1920-1970-e gg.: kul'turnye i khudozhestvennyye praktiki [Nation-building on the territory of the Evenk and Taimyr national districts in the 1920s-1970s: cultural and artistic practices]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(10): 1465-1479. [in Russian]

Programma..., 1890 – Programma dlya sobiraniya svedenii po etnografii) [Program for collecting information on ethnography]. *Zhivaya starina*. 1890. № 1. Pp. XLVIII–LII. [in Russian]

Rynkov, 2010 – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Seredkina et al., 2022 – Seredkina, N.N., Pimenova, N.N., Shpak, A.A., Zamaraeva, Ju.S. (2022). «Niva» Journal (1909) as a Source on the History of the Artistic Culture of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(4): 1976-1989.

Seredkina i dr., 2021 – Seredkina, N.N., Ermakov, T.K., Shishkova, E.E., Temnikova, O.A. (2021). Evenkiiskii natsional'nyi (avtonomnyi) okrug v kontekste sovetskoï natsional'noi politiki 1920-1970 gg. [Evenk national (autonomous) district in the context of the Soviet national policy of 1920-1970]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 5(3): 77-88. [in Russian]

Sertakova i dr., 2022 – Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A., Kistova, A.V. (2022). Etnokul'turnaya dinamika korennykh narodov Eniseiskoi Sibiri v issledovaniyakh 2010-2020-kh gg. [Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of the Yenisei Siberia in the studies of 2010-2020s.]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(5): 702-716. [in Russian]

Sertakova, Sitnikova, 2022 – Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A. (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam eniseiskoi gubernii v XIX - nachale XX vekakh [The Charter on the «Office of Aliens», compiled by M.M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 2: 94-106. [in Russian]

Shpak, Menzhurenko, 2022 – Shpak, A.A., Menzhurenko, Yu.N. (2022). Analiz sovokupnosti mer gosudarstvennoi i munitsipal'noi podderzhki razvitiya traditsionnoi khozyaistvennoi deyatel'nosti v sel'skikh poseleniyakh Severa [Analysis of the totality of measures of state and municipal support for the development of traditional economic activities in rural settlements of the North]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(3): 203-215. [in Russian]

Titova, 1974 – Titova, Z.D. (1974). Rol' narodovedcheskikh zhurnalov – «Etnograficheskogo obozreniya» i «Zhivoi stariny» v razvitiï otechestvennoi bibliografii [The role of ethnographic journals – «Ethnographic Review» and «Living Antiquity» in the development of national bibliography]. *Iz istorii sovetskoï knigi i bibliografii. Sb. mater. po bibliografii i knigovedeniyu*. Vyp. 3. D., 1974. Pp. 125-149. [in Russian]

Tur'inskaya, 2004 – Tur'inskaya, Kh.M. (2004). Shtrikhi k portretu muzeinogo radetelya. Po materialam zhurnalov «Zhivaya starina» (1890-1916) i «Starye gody» (1907-1916) Strokes to the portrait of a museum guardian. Based on the materials of the journals «Zhivaya starina» (1890-1916) and «Starye gody» (1907-1916)]. *Etno-zhurnal*. 1. [in Russian]

Tur'inskaya, 2005 – Tur'inskaya, Kh.M. (2005). Etnomuzevedcheskaya mysl' v zhurnale «Zhivaya starina» (1890-1916) [Ethno-museological thought in the «Zhivaya starina» (1890-1916)]. *Gumanitarnaya kul'tura i etnoidentifikatsiya*. Pp. 270-279. [in Russian]

Российская этнография конца XIX века (по материалам журнала «Живая старина», выпуски 1890-х гг.)

Наталья Петровна Копцева^{a, *}, Наталья Николаевна Пименова^a, Юлия Сергеевна Замараева^a, Наталья Николаевна Середкина^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова), rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению периодического издания «Живая старина». Издававшегося Императорским Русским географическим обществом в качестве исторического источника по методологии и практике этнографических исследований в Российской империи конца XIX века. Этот журнал выпускался больше 15 лет – с 1890 по 1916 год. Материалом для данного исследования стали номера журнала за последнее десятилетие XIX века с 1890-го по 1899 год. А ключевыми направлениями публикаций, анализируемых в статье, стали вопросы специфики методологии этнографического исследования, вырабатываемой учеными конца XIX века, и образ этнических групп Сибири, представленных в опубликованных результатах этнографических исследований конца XIX века. Существенное значение для статьи имеют программные материалы, адресованные исследователям и нацеленные на определение задач науки об этносах и ее методологии (в том числе опубликованная в первом выпуске «Программа сбора информации по этнографии»). В качестве практических результатов этнографических исследований, результаты которых опубликованы в журнале «Живая старина», в статье проанализированы материалы о сибирских этногруппах (качинцы и остяки).

Ключевые слова: журнал «Живая старина», этнография, Российская империя, 1890–1899 гг., методология этнографических исследований, этнические группы Сибири, конец XIX века.